

«Милостыня в тайне» – от кого таиться?

Название Нагорной проповеди связано не только с тем местом, где она прозвучала, но и с духовной возвышенностью слов Иисуса. Слова его раздаются «с горы», а внимающие находятся на разном расстоянии от Учителя: ближе к вершине – те, кто способен лучше понимать и исполнять его учение; дальше – те, кто с трудом разумеют наставления; наконец, стоящие у подножия едва способны издалека услышать его голос, до них доносится только отзвук... Хотя произносимое Иисусом важно для всех, но каждый воспринимает его сообразно своей близости к Учителю – близости по свойствам души, по умению жертвенно любить и сострадать.

И вот мы вслушиваемся в его слова, записанные в 6-й главе Евангелия от Матфея:

Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не

будет вам награды от Отца вашего Небесного.
(Матф. 6, 1)

Слово, переведенное в Синодальном тексте как «смотрите», – это греческое *просέхэтэ*, то есть «удерживайте для себя», которое, в свою очередь, восходит к древнееврейскому *ଧିଶାମରୁ ଲାହେମ* – «храните для себя». Речь идет о том, что человек должен нечто «сохранять для себя самого». Поэтому один из смыслов сказанного такой:

...Удерживайте [нечто] для себя, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас... (Матф. 6, 1)

Что же человек может «удержать для себя», творя милостыню? Разве милость не бескорыстна? Иудейские мудрецы времен Иисуса призывали творить все дела *ле-шэм Шамайим* – «во имя Небес». «Все ваши дела да будут во имя Небес (то есть во Имя Божье)» – говорится в поучении того времени. А значит, человек, творя добрые дела, – например, оказывая помощь бедным, нуждающимся, – не должен извлекать из этого какую-либо выгоду для себя: он должен действовать во имя Небес! Почему же тогда в Нагорной проповеди говорится: «Удерживайте [нечто] для себя, творя милостыню»?

Вдумаемся еще раз в слова Иисуса: «Не творите милостыни вашей пред людьми **с тем, чтобы** они виде-

ли вас». Не сказано: «**так, чтобы** они видели вас», то есть здесь не содержится призыв непременно подавать милостыню втайне. Речь идет о **намерении**, а не об обстоятельствах совершения дел милосердия. Не обязательно скрывать свои добрые дела, хотя тому есть немало известных примеров. Так, житие Николая, Мир Ликийских чудотворца, гласит, что он по ночам бросал в окна бедняков кошельки с деньгами, чтобы люди даже не догадывались, кто им помогает. Такая форма милостыни испокон веков существовала в иудейской традиции – и перешла в традицию христианскую. Но Иисус говорит не совсем об этом: «Не творите милостыни вашей пред людьми **с тем, чтобы** они видели вас». Можно совершать добрые дела открыто или тайно, дело не в этом. Самое главное – остерегаться творить добро **с тем**, то есть **для того**, чтобы вас видели. Иными словами – гордясь, напоказ, для собственной славы, для упрочения своего престижа.

И далее следует предостережение:

...Иначе не будет вам награды от Отца вашего
Небесного. (*Матф. 6, 1*)

Но ведь, казалось бы, речь о награде здесь ни при чем! Неужели человек, сколько-нибудь развитый духовно, станет делать добро, чтобы что-нибудь получить взамен? Неужели он таким способом будет «выторговывать» для себя успех, удачу, умножение богатства,

исполнение своих желаний? Не для того же приходил Сын Божий на землю, чтобы научить нас, как получать побольше наград за наши добрые дела!

О какой же награде в таком случае идет речь? А дело в том, что сама милостыня, сами добрые дела имеют две стороны: они не только приносят благо тем, для кого совершаются (голодный получает пищу, нагой – одежду, огорченный – утешение), но и способствуют улучшению душевного самочувствия того, кто совершает добро.

Может ли, однако, сопутствовать этому внутреннему просветлению надежда на получение выгоды плотской, вещественной? Очевидно, что нет. Потому что рассчитывающий на награду земную, по словам Иисуса, лишается награды небесной. Ведь какая, в конце концов, разница: делает ли человек добро, творит милостыню, чтобы получить славу и власть («чтобы видели вас люди») – или же ожидает материального вознаграждения свыше? В первом случае человек тешит свое тщеславие, ублажает свою гордыню; во втором – ищет вещественной выгоды. Как нам хорошо известно, эти вещи взаимосвязаны: люди стремятся обогатиться, чтобы получить доступ к власти, а власть используют для умножения богатства. Это два колеса, которые крутятся в одну сторону!

Когда же Иисус говорит о награде от Отца Небесного, он, конечно, имеет в виду другое: очищение и восхождение души! Ведь милостыня, как и всякое духовное действие, – меч обоюдоострый! Награда от Отца Небесного

имеет духовный смысл, поэтому человек, ожидающий удовлетворения тщеславия или же материальной прибыли за свои добрые дела, напрасно теряет время.

Апостол Павел, объясняя суть этой награды от Бога, говорит, что польза от нее, или дар свыше, есть возрастание в любви. В Первом Послании к Коринфянам находим такие слова:

И если я раздам все имение мое и отдаю тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. (*I Кор. 13, 3*)

Отдать тело на сожжение – это очень серьезное решение! Такие случаи были, когда во Имя Божье люди шли на страшные муки ради отстаивания своих высоких идей и отдавали жизнь с твердостью, а порой и с внутренней радостью. Отдать тело на сожжение можно и пожертвовав собой ради другого, например, заменив его в качестве заложника.

И обратим внимание на сказанное: «...Если я раздам **все** имение мое...» Речь идет не о милостыне, но о раздаче всего своего имущества. Однако если человек согласен все отдать, а любви не имеет, нет ему в том «никакой пользы».

А вот для получающих есть ли от этого польза? Конечно! Они насыщаются, согреваются, получают кров над головой, а то и обогащаются за счет таких даров. Поэтому тут не сказано, что «ни для кого нет пользы»,

но – только для жертвуующего своей жизнью или имуществом без любви... Потому что единственная польза, по новозаветному учению, которую получает сам человек, – это внутреннее изменение, очищение, восхождение души. Или, что то же самое, ее возрастание в любви бескорыстной, жертвенной, в стремлении к самоотдаче, к тому, чтобы уподобиться Отцу Небесному, Который изливает любовь Свою на добрых и злых, на праведных и неправедных (Матф. 5, 45). И вот, уподобляясь Ему именно в этом, человек и восстанавливает в себе образ и подобие Божьи (Быт. 5, 1; Кол. 3, 10).

Возможность возрастания в духе, постоянного приближения к духовному совершенству – как раз и есть то, что призван каждый «удерживать для себя», творя милостыню. У всякого действия есть внутренняя и внешняя сторона. Именно милостыня является собой сгущенное выражение внешней деятельности в области веры, средоточие альтруизма.

Что же такое милостыня? Это начало самоотдачи, первый шаг в заботе не о себе, а о другом. Это начальный момент того процесса, который приводит к восприятию нуждающегося «далнего» как близкого, то есть сперва – как человека хотя бы не безразличного, вызывающего сострадание, потом – как близкого, родного, и наконец – «как самого себя». Так вот, Учитель предупреждает: не творите милостыни ради тщеславия или материального вознаграждения, иначе не будет вам истинной награды – возрастания в любви!

А ведь именно духовного возрастаия, совершенствования, уподобления Божественному первообразу более всего недостает человечеству на протяжении всей его истории, а современным людям особенно. Большинство ведь стремится как раз к тому, «чтобы их люди видели» (в том числе с помощью Интернета и других средств массовой коммуникации), а также к обогащению. Но получают ли они при этом награду от Отца Небесного? Становятся ли они радостнее, счастливее?

...И далее Иисус говорит:

Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. (*Матф. 6, 2*)

Получают награду – в виде чего? – Удовлетворения гордыни! Они становятся известны, они прославляются людьми. Здесь сказано: «В синагогах и на улицах». Чем отличаются эти два местонахождения – внутри молитвенного дома и вне его? Пребывание в синагоге символизирует здесь надежду на похвалу от избранных, почитаемых людей (книжников, старейшин). А нахождение на улицах – восхваление со стороны прос того народа («чтобы прославляли их люди»). Именно с такой целью публично совершают дела милосердия.

лицемеры! А что такое лицемерие? Это когда внешнее поведение человека не соответствует его внутреннему состоянию, его настоящим стремлениям.

Екклесиаст описывает такое положение «трудящегося»:

Все труды человека – для чрева его, а душа его не насыщается. (*Еккл. 6, 7*)

Порой чем меньше насыщается душа, тем больше старается человек поглощать физической пищи. И чем меньше получает он удовлетворения от жизни своей, от дел своих, тем более старается казаться и представляться кем-то и чем-то в глазах других. Это и есть лицемерие.

У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая...
(*Матф. 6, 3*)

Иисус напоминает нам о двух противоположных сторонах человека, уподобляя их правой и левой руке. Две стороны в человеке обрисованы и Павлом в Послании к Римлянам:

...Итак, тот же самый, я умом моим служу Закону Божию, а плотию – закону греха. (*Римл. 7, 25*)

Человек раздвоен! Как говорили древние мудрецы, «разорван в основе своей», в каком-то смысле – двуедин. Но двойственность проявляется постоянно, а единство достигается редко и при особых условиях. Одной стороной, «умом», человек служит Закону Божьему, другой стороной, «плотью» (под которой разумеется отнюдь не тело, но эгоизм, низшее «я»), – закону греха. И очевидно, что в приведенных словах Иисуса (Матф. 6, 3) под «левой рукой» как раз и подразумевается «плоть» – эгоизм, служащий закону греха.

А что же тогда означает «правая рука»? Она символизирует лучшую сторону человека, служащую Закону Божьему. Почему же «левая рука» не должна знать, что делает «правая»? А потому, что как только «левая рука» об этом узнаёт, она преисполнит душу гордыней, тем самым сводя на нет духовную пользу от содеянного. «Левую руку», «левую сторону» – все «левое», что есть в человеке, – хотя бы в момент подаяния милостиши, осознанного служения Богу и ближнему, – следует подавлять, оттеснять. «Левое», эгоистическое как бы даже «не имеет права знать» об этом! Как мы скрываем что-то от чужого человека, так должны «скрывать» свои добрые дела от собственной падшей природы – от низшего «я», направляя мысль всецело к Богу и совершая все во Имя Его! А это весьма непростая задача...

Но ведь Иисус простому и не учит: его наставления ведут к внутреннему совершенствованию, что сложно само по себе. Они воспринимаются высшей частью

нашей души и исполняются теми, кто желает следовать за Учителем – на протяжении, как говорится, «всей оставшейся жизни». И не только жизни земной – и за ее пределами слова Иисуса не отменимы для человеческого духа, потому что наше совершенствование продолжается и после ухода из земного мира.

...Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая,

Чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. (*Матф. 6, 3–4*)

Для кого же тайной должна оставаться милостыня? Для окружающих людей? Выше мы процитировали: не творите милостыню **с тем**, чтобы видели вас люди, – а не **так**, чтобы они вас видели. То есть можно и открыто, публично подавать милостыню и вообще делать добрые дела. Но главная тайна, которая должна соблюдаться, – это «сокрытие» происходящего от злого начала в нас самих, от нашей собственной эгоистической, падшей, низшей природы. Что же надлежит скрывать? Очевидно, альтруистические побуждения! Они должны воплощаться в дело быстрее, чем корыстолюбивая часть души «спохватится». Прежде, чем эта ленивая, малоподвижная составляющая внутреннего человека успеет пробудиться и соответствующим образом отреагировать:

...Чтобы милостыня твоя была втайне... (*Матф. 6, 4*)

Итак, мы понимаем, что «втайне» означает прежде всего по секрету от злого начала в самом человеке: чтобы «левая рука не знала, что делает правая». Как, сблюдая тайну, мы никому не сообщаем о предстоящем деле, чтобы нам не помешали его совершить, – точно так же мы обязаны утаивать от нашей эгоистической природы сведения о бескорыстном добре, которому предан наш дух.

...И Отец твой... (*Матф. 6, 4*)

Такое именование Бога очень важно и знаменательно! В Ветхом Завете и в писаниях книжников более поздних эпох часто встречаются такие формы обращения к Богу, как Эло́гейну – «наш Бог» и Ав́ину – «наш Отец». А здесь – «Отец **твой**»! Иисус указывает на совершенно особые, личные отношения каждого из своих учеников с Небесным Отцом. Он постоянно говорит о непрерывном диалоге с Создателем: «Отец мой всегда со мною»; «я в Отце моем и Отец мой во мне». Он свидетельствует о глубоко личных, духовно-интимных, отношениях с Небесным Отцом! И учит, что каждый из нас призван обращаться, молитвенно взывать к Творцу словами: «Отец **мой**», а не только «Отче **наш**», как звучит обращение общины учеников в главной молитве, переданной ей Иисусом.

Но кто же и до этого называл Бога «своим личным» Отцом? Пророки! Слова «Отец мой» по отношению к Создателю характерны именно для них – духовидцев, вестников Божьих, тех, кто непосредственно слышал Его слова и передавал их людям. Однако же в Ветхом Завете мы крайне редко находим такие примеры (Пс. 88, 27; Иер. 3, 4). Иисус же постоянно повторяет, обращаясь к Богу: «Отец **мой**! И нам он тоже говорит: «Отец **твой**, видящий тайное, воздаст тебе явно». Таким образом, постепенно, исподволь, не выражая это явно, Иисус возводит каждого из своих учеников на уровень «сыновей пророков». Такое сообщество учеников, следовавших за истинными пророками Господними и обучавшимся у них, существовало до вавилонского плена в древних Израиле и Иудее. А в более поздний период ему соответствовали общины ессеев и терапевтов в Иудее, Египте и Малой Азии. Это были мистические братства взыскующих истины, которые стремились к личному духовному общению с Богом – «искали лица Его». Если остальные верующие предстояли перед Богом как бы целыми общинами и обращались к Нему: «Отче **наш**», то мистики проповедовали индивидуальное познание Бога каждым человеком, именуя Его «Отец **мой**».

Так учил и сам Иисус: «...Войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне» (Матф. 6, 6). Эти слова означают, что общественная, коллективная молитва – не единственная и

даже не основная форма обращения к Богу. Главное в духовном развитии – это личное предстояние перед Ним каждого человека, находящегося с Отцом Небесным в совершенно особом, единственном и неповторимом общении.

Уже иудейские учителя времен Иисуса утверждали: если бы кто-нибудь имел полного двойника, то не было бы нужды в приходе данного человека на землю. Ибо роль каждого – уникальна. Они задавали вопрос: почему был сотворен один Адам, а не много людей сразу? И отвечали: чтобы каждый знал, что, будь он единственным человеком, Бог сотворил бы весь мир ради него одного. И поэтому, когда ты предстоишь перед Ним в молитве, ты для Него – словно бы первозданный Адам, беседующий со своим Творцом!

Итак, Иисус говорит:

...И Отец твой, видящий тайное... (*Матф. 6, 4*)

Господь всевидящ, Он взирает на наш мир, созерцая его во всех частностях, будучи Сам невидим. Есть мир явленный людям, объемлющий духовные, душевые и физические феномены – и есть сокрытый, наивысший мир, в котором обитает Бог и из которого Он наблюдает за нами:

...И Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. (*Матф. 6, 4*)

А в чем же состоит это явное воздаяние? Неужели в почестях, богатстве, успехе? Но ведь, с духовной точки зрения, все перечисленное может обернуться своей противоположностью: например, «всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лук. 14, 11)...

Зато сокровища, относящиеся к области духа, нетленны: «Приготовляйте себе... сокровище неоскучевающее на небесах...» (Лук. 12, 33). Небесные богатства – совсем другого рода, почести – совсем иного качества! Более высокий мир обладает большей реальностью, чем наш, он **явен**, в то время как земной – подобен сну:

Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день
вчерашний, когда он прошел, и как стражка в но-
чи. Ты как наводнением уносишь их; **они** – как
сон... (Пс. 89, 5–6)

«...Отец твой, видящий тайное, воздаст **тебе явно**». Но явно воздаст в какой области? А вот как раз в областях тайного! Воздаст на плане, для других невидимом. Воздаст – возвышением, очищением, «расширением» твоего сердца. И благодаря такому воздаянию ты научишься видеть сокровенное, станешь причастен к духовному бытию, незримому для погрязших в материальном. Ты начнешь освобождаться из тесноты вещественного мира и выходить «на простор» – за рамки материалистического мировоззрения: «Из тес-

ноты возвзвал я к Господу – и простором ответил мне Господь» (Пс. 117, 5).

Человек, обитающий в нашем мире – «тесном» и, казалось бы, безнадежном (ведь если исходить из материалистических взглядов, жизнь навсегда завершается смертью), – как только он взыщет и станет искать Господа, сразу ощутит новый простор: перед ним начнет открываться, представая во все большей полноте, бесконечный по благости и по своим возможностям другой, духовный и светлый, мир...

Итак, в последовательном ряде высказываний, притч и уподоблений Нагорной проповеди раскрывается учение Иисуса о том, как совершать восхождение в области духа через внутренние состояния и внешние дела, – чтобы обрести, а затем сохранять, поддерживать свое общение с Небесным Отцом; как стяжать и не терять блаженство в обоих мирах – земном и небесном. Для этого все дела должны совершаться с любовью: ради Отца – Бога и братьев – людей.

Поскольку большинство людей полно эгоизма и им движимо, постепенное отдаление и, наконец, избавление от него и есть то, чему учит Нагорная проповедь. В этом – суть, смысл и цель всего служения Иисуса, который взял на себя всеобщий грех и умер за всех (Ис. 53, 6–8). Есть ли более самоотверженное, альтруистическое деяние во всей мировой истории? Очевидно, что оно – не только торжество жертвенной самоотдачи, но и величайшая мистерия любви!

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.